

2. АНАЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ ПРАВА

ОНТОЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ФИЛОСОФИИ ПРАВА ГЕРБЕРТА ХАРТА ¹

В. В. ОГЛЕЗНЕВ

Российская академия правосудия, Западно-сибирский филиал, Томск
ogleznev82@mail.ru

Vitaly Ogleznev (Russian Academy of Justice, West Siberian Branch, Tomsk, Russia)

ONTOLOGICAL AND EPISTEMOLOGICAL BASES OF H. HART'S LEGAL PHILOSOPHY

ABSTRACT. The article seeks to instantiate the distinctive features and basic research strategies in legal ontology and epistemology as they are presented in the early works by the famous Oxford philosopher of law Herbert Hart, published before his major book *The Concept of Law* (1961). The author tries to isolate the most salient aspects of the analytical legal tradition applicable to Russian legal theory, which can bridge the existing gap between these approaches despite considerable difference both in their background and methodology.

KEYWORDS. Analytical legal philosophy, theory of speech acts, legal rules, ascriptions

Герберт Лайонел Адольфус Харт считается самым выдающимся философом и теоретиком права XX века, основателем аналитического неопозитивистского направления в правопонимании. Он вдохнул новую жизнь в юриспруденцию, переориентировав её таким образом, что основные свойства аналитической философии второй половины двадцатого столетия, такие как строгость рациональной аргументации, понятность и ясность, внимание к тонкими концептуальными различиями и чувствительность к языку и его логике, стали применимы к исследованию фундаментальных правовых проблем. Применение Г. Хартом методологии аналитической, особенно лингвистической, философии к познанию правовых явлений позволило актуализировать и модифицировать

¹ Работа выполнена в рамках государственного договора на выполнение поисковых научно-исследовательских работ для государственных нужд в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», мероприятие 1.1. Проект «Онтология в современной философии языка» (2009-1.1-303-074-018).

основные философско-правовые проблемы и по-новому интерпретировать феномен права.

Таким образом, начиная с середины XX века философское осмысление и критика идей Г. Харта образуют основное содержание и характер дискуссий в современной англо-американской философии права. Это подтверждается словами Э. М. Оноре, близкого друга и коллеги Г. Харта по Оксфорду, «...он [Харт] был наиболее читаемым британским философом права двадцатого столетия, и его работа продолжает оставаться в центре дискуссий».² Действительно, в современной западной литературе по философии права достаточно сложно найти научное исследование, которое не опиралось бы на теорию Г. Харта или не критиковало бы её. А монография Харта *Понятие права*, которая принесла ему всемирную известность, является самой авторитетной и часто цитируемой работой по современной англоамериканской философии права.

Напротив, в российской философской и правовой научной литературе анализу концептуально-методологических оснований аналитической онтологии Г. Харта и их обсуждению в зарубежных исследованиях не уделено достаточно внимания, отсутствуют и специальные монографические исследования по данной теме, а имеющиеся научные статьи носят скорее фрагментарный характер. Ситуация осложняется ещё и тем, что отсутствуют переведённые на русский язык основные работы Г. Харта, как раннего (до опубликования *Понятие права*), так и позднего периодов. За исключением некоторых статей (Харт 2005, 2008 и 2009) его труды по философии и логике, написанные до 1961 года, до сих пор остаются мало изученными, а зачастую и неизвестными российским философам и теоретикам права.

Поэтому верно отмечает А. Б. Дидикин, что восприятие Г. Хартом философских идей «оксфордской школы» лингвистического анализа требует особого рассмотрения ввиду специфики философского осмысления правовых феноменов (Афонасин–Дидикин 2006, 10). Для понимания истоков и тенденций современной аналитической философии права исследование раннего Г. Харта представляет особый интерес еще и потому, что именно в этот период формируются теоретико-методологические основания его онтологической концепции – логико-семантический анализ языка права, позволивший впоследствии перейти от сциентистских дискурсов в совершенно иную сферу – сферу культуры. И хотя позднее Харт модифицировал свои философские основания и пришел к заключению, что при анализе значений правовых терминов важно учитывать намерение говорящего и признание этого намерения другим субъектом коммуникации, а в случае неопределённости правовой ситуации также учитывать возможность применения общих «нелогических» правил, в частности принципов естественного права, его аналитический подход к пониманию права сохраняет свою революционность и уникальность.

² <http://www.law.ox.ac.uk/jurisprudencel/hart.shtml>

Герберт Харт происходил из древнего рода раввинов, проживавших в Венеции в XV веке. В начале 1900-х годов его отец, успешный предприниматель, переехал в Харрогит из Лондона. Харт окончил Брэдфордскую среднюю школу и в 1926 году поступил в Оксфордский университет на отделение классической филологии. В январе 1932 года, сдав вступительный экзамен по праву, он вступает в коллегиию адвокатов (the Bar) и работает в суде Лорд-канцлера до 1940 года. Во время Второй мировой войны Харт служил в крипто-аналитическом отделе МИ 5, вместе с такими известными философами, как Гилберт Райл и Стюарт Гэмпшир, которые, по воспоминаниям Г. Харта, изменили его философские представления.³ В 1945 году Г. Харт был приглашён в члены совета Нью-Колледжа и принят на должность тьютора по философии. И в это время он познакомился с выдающимся лингвистическим философом Дж. Л. Остином, который, по его собственным словам, оказал важнейшее влияние на его правопонимание (Sugarman 2005, 274). Харт восхищался утончённым анализом языка, проводимым Остином, особенно его теорией «способов перформативных употреблений», которая, по его мнению, как нельзя лучше применима к праву. Работа Дж. Л. Остина *Как обращаться со словами* (Austin 1962) произвела на Харта очень сильное впечатление. Конечно, на формирование аналитического подхода к праву и развитие его онтологической концепции правопонимания не меньшее влияние оказали такие великие аналитические философы, как Дж. Э. Мур, А. Ю. Айер (его книга *Язык, истина и логика*), Л. Витгенштейн (особенно его *Голубая книга* и, в частности, максима *don't ask for the meaning, ask for the use*, а также теория «языковых игр»), Дж. О. Урмсон (его работы по денотативной теории), И. Берлин (самый близкий друг Г. Харта, с которым они вместе преподавали философию в Нью-Колледже), Ф. Вайссман (его работа *Verifiability* способствовала формулированию идеи об открытой структуре правовых норм, и именно Ф. Вайссман помог разобраться Харту в философии науки) и лингвистический философ Дж. А. Пол.

С 1948 года Г. Харт начал активно заниматься научной деятельностью. В этом году он написал вступительную статью к работе своего бывшего преподавателя в Оксфорде Г. У. Б. Джозефа *Knowledge and the Good in Plato's Republic* (Joseph 1948), и затем в 1949 году опубликовал свою первую статью по философии *The Ascription of Responsibility and Rights*, которая впервые была представлена на заседании Аристотелевского общества, а в 1951 году переиздана в журнале *Logic and Language*.

Основной идеей этой работы является предположение о существовании особого вида языковых выражений, основная функция которых состоит не в описании конкретных ситуаций, а в выражении правовых требований и в юридической квалификации событий, состояний и действий, придающей природным и социальным явлениям юридическое значение (Афонасин–Дидикин

³ Совместно с С. Хэмпширом Г. Харт в 1958 году написал статью *Decision, Intention, and Certainty*; а «логический» бихевиоризм Г. Райла повлиял на концепцию Г. Харта о поведении человека.

2006, 22). Харт актуализирует важный вопрос о том, как подвергнуть анализу понятие человеческого действия? Он утверждает, что основной проблемой является неправильное использование глагола 'делать', особенно в прошедшем времени, в таких, например, выражениях, как 'я сделал это', 'он сделал это', 'ты сделал это'. Поэтому Харт начинает свой анализ с описания логики этой группы высказываний.

Такие высказывания, как 'это моё', 'это твоё', 'это его', 'теперь это твоё', 'я сделал это', 'он сделал это' и 'ты сделал это', обычно интерпретируются как дескриптивные или экспрессивные. Но подобная интерпретация, отмечает Харт, искажает перформативную функцию этих высказываний, основная задача которой состоит в требовании права, признании права, приписывании права, передачи права, и соответственно в допущении, приписывании или привлечении к ответственности.

Подобно судебным решениям, эти высказывания представляют собой смешение эмпирических фактов и норм, порождающих социальные и юридические последствия. Например, если я говорю 'это Ваше' о какой-то ценной вещи, то отнюдь не описываю некое положение дел, но главным образом приписываю Вам определённые права на эту вещь; аналогично в судебном решении 'Смит виновен в убийстве жены' наблюдается соединение конкретного эмпирического факта (например, того, что он дал жене смертельную дозу яда) и юридических последствий, вызванных этим фактом.

Один из примеров аскриптивного высказывания представляет особый интерес и заслуживает пристального внимания (Hart 1951, 157–159). Предположим, на улице Вы замечаете, что у идущего впереди Вас человека из кармана выпадают часы, Вы поднимаете их и возвращаете ему, говоря при этом, 'это Ваше'. Хотя можно было бы сказать, что это эмпирический факт, аналогичный высказыванию вроде 'Вы выронили это', но следующее размышление Харта указывает обратное. Если в этот момент подъезжают полицейские и арестовывают этого человека за кражу часов, то Вы уже не можете сказать, считает Харт, 'это Ваше'; но даже в этой ситуации нельзя сказать, что высказывание ложно, так как лишь новое обстоятельство вынуждает вас принять новое решение и сказать, например, 'это не Ваше'. Таким образом, 'Ваше' и 'не Ваше' не являются дескриптивными понятиями, такими как, например, 'зелёный' или 'большой', но понятиями, которые могут быть *отвергнуты*, а не *опровергнуты* дополнительными фактами. Определение понятия 'Ваше' предполагает, по словам Харта, его отменяемый (defeasible) характер: выражение 'это Ваше' представляет собой смешение физического факта Вашего владения с приписыванием права, если только Вы *это* не украли, или не сделали чего-то такого, что смогло бы поставить под сомнение Ваше владение.

Это идея *отменяемости* (defeasibility) понятий, по мнению Харта, лучше всего иллюстрируется правовыми ситуациями. Общепринято понимать право как систему правовых понятий, таких как 'договор', 'причинение вреда' и т. п., установленных законодательным органом или другим источником и опреде-

ленных настолько хорошо, что судья при принятии решения просто говорит 'да' или 'нет' применительно к вопросу, соответствуют ли факты содержанию правового предписания, определяющего необходимые и достаточные условия 'договора', 'причинения вреда' и т. п. Но подобная интерпретация искажает реальную правовую процедуру. Во-первых, потому что, по крайней мере в Англии, судья не оснащён критериями, позволяющими определить эти понятия, вместо этого он принимает решение, основываясь на предыдущих делах и прецедентах. Так, например, на вопрос 'что такое договор?' можно ответить «...сославшись на определённые судебные прецеденты, используя слово 'et cetera'» (Hart 1951, 160). Во-вторых, и это наиболее важно, отменяемый характер юридических понятий при любом их определении или объяснении делает слово 'unless' столь же обязательным, как и 'et cetera'. Невозможно, считает Харт, дать определение или объяснить понятие 'договор', например, определяя необходимые и достаточные условия его применимости; это можно сделать лишь перечисляя необходимые условия, учитывая имеющиеся исключения или отрицательные примеры, указывающие, где понятие не может быть применено или может быть применено в более упрощённой форме.

По мнению Харта, все юридические понятия непременно отменяемы; и попытка интерпретировать отменяемость (defeasibility) просто как отсутствие определённых необходимых условий, то есть интерпретировать все правовые высказывания как дескриптивные, неудачна потому, что она искажает логический характер способов защиты нарушенного права. Например, предположим, что мы интерпретируем такие основания восстановления нарушенного права, как принуждение к совершению чего-то, злоупотребление влиянием (*undue influence*) и т. д., как отсутствие необходимого условия, скажем, *подлинного, свободного и полного согласия*. Правомерна ли подобная интерпретация? Харт отвечает, что нет, потому что *подлинное, свободное и полное согласие* не относится ни к одному удовлетворительному условию, но является только удобным способом непосредственного обращения к некоторым способам защиты. Такая же ситуация, считает Харт, наблюдается и в уголовном праве, когда рассматриваются необходимые условия уголовной ответственности и основания, её исключающие.

Итак, каков же правильный анализ понятия «человеческое действие»? Ответ Харта состоит в том, что данный анализ возможен только при правильной интерпретации употребления глагола 'делать', так как использование этого глагола в настоящем и будущем времени, действительно, дескриптивно, однако в прошедшем времени, как в высказывании 'он сделал это', он используется главным образом аскриптивно.

Харт утверждает, что и традиционный и современный анализ понятия «человеческое действие» неправилен, потому что пытается определить понятие через формулирование необходимых и достаточных условий его применимости. Сказать 'x выполнил действие y' с точки зрения и традиционного и современного анализа – значит сказать нечто, что может быть выражено категорическими суждениями, описывающими соответственно движение тела x и его

психическое отношение к содеянному. Харт считает логику этого анализа ложной, потому что предполагается, что понятие «человеческое действие» может быть определено только через дескриптивные высказывания, касающиеся отдельного индивида. Поэтому дескриптивные высказывания непригодны для анализа предложений типа 'он сделал это'.

Однако позднее Харт отказался от идеи аскриптивных высказываний, посчитав эту теорию ошибочной. Примечательно, что Харт не включил эту статью в свой сборник *Punishment and Responsibility. Essays in Philosophy of Law*, отметив в предисловии, что основные положения этой статьи теперь не кажутся ему столь же верными, и что большая часть критических замечаний, сделанных по ее поводу в последнее время, оправдана (Hart 1968, 6).

Из представленного анализа содержания *The Ascription of Responsibility and Rights* отчетливо прослеживается приверженность Г. Харта аналитической философской традиции, ведь, по сути, эта работа является одной из первых попыток приложения методологии лингвистической философии к правовым явлениям и формализации правовой сферы в целом.

Два года спустя Г. Харт опубликовал не менее значимую, но малоизвестную статью *A Logician's Fairy Tale* (Hart 1951). В этой работе Харт продолжает и развивает мысль П. Ф. Стросона, изложенную в статье *On Referring* (Strawson 1950), об истинности / ложности вымышленных суждений, подвергая их анализу средствами современной формальной логики. Как отмечает В. А. Суровцев (2009, 110), в этой статье Харт отталкивается от способа погружения аристотелевской силлогистики в логику предикатов первого порядка. Это погружение исходит из того, что силлогистика основана на экзистенциальных предпосылках, которые скрыто присутствуют в принятой традиционной интерпретации общих суждений (Гилберт–Аккерман 1947, 79).

В этой статье Харт задаётся вопросом о том, какова логика нашего использования предложений вроде «Все людоеды злые», когда мы рассказываем вымышленные, или сказочные, истории? Если мы принимаем правила формальной логики, то любое использование предложения должно привести к истинному или ложному суждению. Но Харт выступает против этой логической предвзятости в отношении вымысла, считая, что при использовании языка, оперирующего вымышленными суждениями, понятия истинности и ложности не применимы. Харт пишет:

«Принимать всерьёз фактуально истинные или ложные суждения – это, несомненно, наиболее важное употребление осмысленных описательных предложений, но оно не является единственным. Ибо мы можем сказать и часто говорим, когда предложение используется в нашем присутствии, что вопрос о его истинности или ложности в данном случае не возникает... Одна из таких ситуаций – это случай, когда нам рассказывают сказку. Мы знаем, что людоедов не существует, но рассказчик для нашего развлечения применяет особое употребление слов, которое мы можем назвать разговором, как если бы они были, разговором о вещах, которые, если бы людоеды существовали, могли бы быть истинными или ложными, но, поскольку людоеды не существуют, не

являются ни истинными, ни ложными. Контекст этого случая, вербального, фактуального (людоедов нет) и наигранного, проясняет, что было бы абсурдно всерьёз настаивать на вопросе 'Верно ли (не только в качестве сказочной истории), что все людоеды являются злыми?'" (Харт 2009, 128).

Следовательно, заключает Харт, чтобы охарактеризовать сказку и другие вымышленные объекты, мы должны, во-первых, признать, что, хотя предложение имеет значение, которое мы понимаем, а высказанные при употреблении предложения суждения логически соотносятся с другими суждениями, из этого не следует, что в каждом случае осмысленного употребления предложения высказывается суждение, которое должно быть истинным или ложным, ибо вымысел не является ни истинным, ни ложным. Во-вторых, поскольку определённые типы эмпирических предложений вроде аристотелевских форм А, Е, I и O предназначены, прежде всего, для употребления (и поэтому являются истинными и ложными) там, где объекты, упоминаемые их субъектом, существуют, то мы должны признать, что имеется конвенциональная связь между этими предложениями и экзистенциальными предложениями, посредством которых мы утверждаем, что выполнено условие обычного употребления. Эта конвенциональная связь не является следованием; и один из главных приёмов вымысла заключается в намеренном нарушении этой конвенции. В-третьих, мы должны сместить наше логическое внимание с общего на частное и сконцентрироваться не на значении, не на условиях истинности, не на логических отношениях суждений, а на обстоятельствах частного употребления и на том, что может быть названо *способом утверждения* предложения в частном случае (Харт 2009, 135), то есть мы должны исследовать (1) выполняется ли экзистенциальное условие, требуемое для обычного употребления предложения, и (2) почему говорящий говорит так, как если бы это условие было выполнено, ибо отличие вымысла от правды заключается не в общем вопросе, упомянутом первым, но в употреблении общей формы в частном случае.

Поэтому подобное погружение аристотелевской силлогистики в логику предикатов первого порядка не имеет смысла для дискурса, имеющего дело с вымышленными объектами. Если предположить, что все классы сущностей *не пусты*, то есть рассуждения не касаются мыслимых сущностей (например, драконов или русалок), то замена силлогистических выражений выражениями логики предикатов будет полностью оправдана. Другими словами, при непустых классах сущностей все модусы силлогистики Аристотеля выводятся в исчислении предикатов.

Иная ситуация возникает при допущении пустых классов сущностей. В исчислении предикатов предикаты с пустыми областями для аргументов ведут себя совсем не так, как такие же предикаты с непустыми областями (Поспелов 1989, 52). В этих условиях оказываются невыводимыми все модусы силлогистики, в которых вывод носит частный характер, а обе посылки носят общий

характер. Например, оказываются невыводимыми модусы ААI (*Darapti*) и ЕАО (*Felapton*) первой фигуры.⁴

Вообще говоря, эта статья несколько нетипична для творчества Харта, однако весьма удачно иллюстрирует методы, принятые в аналитической философии языка. И это немаловажно, если учесть, что впоследствии он перешёл к анализу языка культурных форм, отличных от науки, таких как право и мораль.

После опубликования этих статей и небольшой рецензии⁵ Харт был избран на должность профессора юриспруденции Оксфордского университета, и 30 мая 1953 года прочитал inauguralную лекцию под названием *Определение и теория в юриспруденции* (Харт 2008), в которой обратился непосредственно к анализу языка права, а именно к его логико-семантической составляющей. Юридический язык, как совокупность юридических понятий, обособленных в суждения, понимается им как часть метаязыка, отличного от обыденной речи. Право, считает Харт, является весьма запутанным вариантом человеческой речи, и чтобы понять его свойства, необходимы особые методы объяснения, способные обеспечить общую теорию права соответствующим аналитическим инструментарием. Поэтому вслед за Иеремией Бенетом Харт подвергает сомнению эффективность применения традиционного метода определения *per genus et differentiam* таких юридических понятий, как «объективное право», «субъективное право», «государство» и «корпорация». Харт считает, что обыденное употребление этих слов вводит в заблуждение, так как, в отличие от обычных слов, эти юридические термины во многих отношениях *аномальны*. Попытки определить эти термины показывают, что они не связаны напрямую со своими аналогами в мире фактов, а значит, в отличие от большинства обычных слов, не могут быть определены посредством такой связи. «Нет ничего, – отмечает Харт, – что ‘соответствует’ этим юридическим понятиям, и когда мы пытаемся определить их, то обнаруживаем, что выражения... специфицируя виды лиц, вещей, качеств, событий и процессов, материальных или психических, никогда не являются строгим эквивалентом этих юридических терминов...» (Харт 2008, 10).

О отличие от слов обыденного языка, сами по себе юридические термины ничего не означают и ничего не описывают, то есть не имеют референтов или, как их называет Харт, *фактуальных аналогов*, способных раскрыть их содержание. Поэтому он предлагает четыре отличительные особенности, которые, по его мнению, демонстрируют метод объяснения, применимый в области права (Харт 2008, 13–17). Во-первых, юридические понятия необходимо и должно рассматривать в соответствующих контекстах, в качестве части суждений, сделанных судьёй или обычным юристом по конкретному случаю на основании соответствующих правовых норм. Во-вторых, когда кто-то говорит ‘А имеет право’, он не *утверждает* соответствующую норму и не описывает

⁴ А $\forall x(m(x) \rightarrow s(x))$; А $\forall x(m(x) \rightarrow p(x))$; I $\exists x(s(x) \ \& \ p(x))$; E $\forall x(p(x) \rightarrow O m(x))$;
А $\forall x(m(x) \rightarrow s(x))$; O $\exists x(s(x) \ \& \ O p(x))$.

⁵ Hart 1952.

обстоятельства, связанные с этим высказыванием. Он совершает нечто отличное, а именно: он *делает вывод* на основании соответствующей нормы. Поэтому, считает Харт, суждение ‘А имеет право’ представляет собой заключительную часть правового рассуждения, которое фиксирует некий результат и может быть названо *юридическим выводом*. В-третьих, суждение ‘А имеет право на то, чтобы В совершил в отношении А определённые действия’, сделанное судьёй в Зале заседания, имеет, несомненно, отличительный статус от его произнесения обычным юристом вне Суда. Хотя Харт и признаёт оба эти высказывания юридическим выводом, их принципиальное отличие заключается в тех юридических последствиях, которые порождает их произнесение. В самом деле, если эти высказывания делаются не судьёй или обычным юристом, то есть вне юридического контекста, то они утрачивают свое значение. И, в-четвёртых, в любой социальной системе, в том числе правовой, нормы могут связывать тождественные последствия с любым набором различных обстоятельств. Причём правила этой системы определяют *последовательность* различных действий или состояний дел объединяющим их способом.

Г. Харт утверждает, что, в отличие от обычных дескрипций, *первичная функция* этих юридических понятий заключается в том, что утверждение ‘У него есть право’ используется для того, чтобы *действовать* посредством правовых норм, то есть с помощью правовых норм *делать* вывод, а не излагать или описывать факты. Таким образом, учитывая эти отличительные особенности, юридические понятия могут быть прояснены только рассмотрением тех условий, которые делают их употребление подходящим в подобающем контексте. Лишь в этом случае их объяснение может претендовать на статус определения.

В 1953 году Г. Харт опубликовал статью *Philosophy of Law and Jurisprudence in Britain (1945–1952)*, в которой рассмотрел состояние и особенности развития философии права и юриспруденции, как отраслей научного знания и учебных дисциплин, в послевоенной Великобритании, а также изложил свое видение того влияния, которое аналитическая философия и, в частности, лингвистическая философия, оказали на формирование нового направления в теории права, называемого аналитической юриспруденцией. Он отметил, что, несмотря на бурное развитие аналитической философии, новые методы лингвистического анализа стали всерьёз применяться к праву только в 1945 году. Удивительным Харт считает тот факт, что в эти же годы правоведы, придерживающиеся естественно-правовой доктрины, внесли гораздо более скромный вклад в развитие английской юриспруденции, чем можно было ожидать, хотя распространение государственного влияния на сферу человеческой деятельности можно было убедительно подтвердить некоторыми католическими доктринами естественно-правового толка (Hart 1953, 361–363).

Следовательно, восстановление отношений между правом и философией необходимо и оправданно, считает Харт, тем более, что на протяжении семи лет (1945–1952) философы проявляли постоянный интерес к темам, имеющим

особое значение для юриспруденции. В частности, понятие *правила* и логические особенности выражений, использующих это понятие, были помещены в центр философских дискуссий, кроме того, философы детально исследовали понятие 'действие', что имеет значение для прояснения 'намерения', 'мотива' и 'воли', применяемых в теории права. Поэтому анализ функций имён и дескрипций может оказаться релевантным для решения юридических проблем и быть использован при толковании права, в то время как знание того, что одно высказывание или правило может *относиться* к другому высказыванию или правилу самыми различными способами, может обеспечить основание для улучшенного понимания структуры и взаимосвязи правовых систем, равно как отношений между правовыми и моральными правилами (Hart 1953, 364). Наконец, интерес философов к типам рассуждений, которые, например, в сфере морали и права, могут быть рациональными, не будучи при этом окончательными, и к способам применения понятий, не допускающих 'жёстких' определений и имеющих 'открытую' структуру, может помочь юристам избавиться от идеи о том, что дедуктивное доказательство полностью исчерпывает идею логического рассуждения.

Поэтому, учитывая распространение аналитического подхода не только в философии, но и в юриспруденции, Г. Харт достаточно критично относится и к американскому правовому реализму и к естественно-правовой традиции, хотя последние он критикует и в меньшей степени. Так, в статье *Are There Any Natural Rights?* он утверждает, что индивид обладает только одним естественным правом, не связанным с волевым поведением человека, «равным правом каждого быть свободным» (Hart 1955, 175). Оно включает в себя право воздерживаться от всего, что связано с внешними ограничениями или принуждением, а также право на свободу любых действий, не требующих принуждения и не наносящих вред другим. Таким образом, это «естественное право» не является абсолютным и неограниченным. Тем не менее, Г. Харт допускает существование моральных прав, которые первоначально имеют связь с юридическими правами, поскольку свобода лица в определенной степени ограничена правовыми нормами (Афонасин–Дидикин 2006, 21).

Что касается американского правового реализма, Харт отрицает основной тезис этого направления, гласящий что «...право – это всего лишь предсказание того, что сделают суды, или определение юридических прав и обязанностей с точки зрения средств правовой защиты» (Hart 1953, 362). Несколько по-иному относится Харт к скандинавскому реализму. В статье *Определение и теория в юриспруденции* он критикует неспособность скандинавской теории права объяснить содержание ряда юридических понятий, однако в рецензии на книгу Axel Hagerstrom, *Inquiries into the Nature of Law and Morals* (Hart 1955) и в рецензии на фундаментальный труд Alf Ross, *On Law and Justice* (Hart 1959) он признаёт заслуживающими внимания отдельные положения скандинавского «реалистического» правопонимания. В частности, он одобряет *saeva indignatio* А. Росса по поводу метафизической неопределённости псевдорациональных понятий, кото-

рые «скрываются» в традиционных основаниях структуры права и в теориях о стандартах морали и справедливости, используемых для критики или определения права (Hart 1959, 233). Принимает он и идею различения *внутренних* и *внешних* аспектов явления, представленного существованием социальных правил. Харт считает этот тезис верным и важным для понимания природы правил, отмечая, что Росс разграничивает эти аспекты *не там, где надо*, и неправильно трактует внутренний аспект правил – ‘эмоции’ или ‘чувства’ – как особый психологический ‘опыт’. Поэтому создаётся впечатление, что *ought-propositions*, как их называет Г. Кельзен, не нуждаются в анализе. На самом же деле, разъяснение внутреннего аспекта любого нормативного дискурса требует таких суждений, и если их тщательно изучить, то можно увидеть, что в них нет ничего ‘метафизического’, хотя их ‘логика’ или структура отличаются от фактуальных суждений или выражений чувства. Впоследствии эта идея А. Росса о различении внутренних и внешних аспектов правила найдёт своё выражение в знаменитой книге Г. Харта *Понятие права* (2007, 104 сл.).

Таким образом, исследование творчества «раннего» Г. Харта представляет особый интерес для понимания истоков и тенденций современной аналитической философии права, которая предлагает решения фундаментальных философско-правовых проблем (таких как соотношение права и морали, пределов правотворчества и применения права), существенно отличные от традиционно принятых в отечественной юриспруденции, по-прежнему стоящей на гегельянской и марксистской методологии. Все это объясняет растущий интерес российских теоретиков права к методологии аналитической юриспруденции и тем новым возможностям, которые она предоставляет для познания конкретных правовых феноменов.

Библиография

- Афонасин Е. В., Дидикин А. Б. (2006) *Философия права* (Новосибирск)
- Гилберт Д., Аккерман В. (1947) *Основы теоретической логики* (Москва)
- Поспелов Д. А. (1989) *Моделирование рассуждений. Опыт анализа мыслительных актов* (Москва)
- Суровцев В. А. (2009) «Предисловие к публикации “Харт Г. Л. А. Сказка логика”», *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология* 4(8), 109–110
- Харт Г. Л. А. (2005) «Позитивизм и разграничение права и морали (пер. с англ. В. В. Архипова)», *Правоведение* 5, 102–137
- Харт Г. Л. А. (2007) *Понятие права*, пер. с англ. под ред. Е. В. Афонасина и С. В. Моисеева (Санкт-Петербург)
- Харт Г. Л. А. (2008) «Определение и теория в юриспруденции (пер. с англ. С. Н. Касаткина)», *Правоведение* 5, 6–33
- Харт Г. Л. А. (2009) «Сказка логика (пер. с англ. В. В. Оглезнева)», *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология* 4(8), 123–136
- Austin J. L. (1962) *How to Do Things with Words* (London)
- Joseph H. W. B. (1948) *Knowledge and the Good in Pluto's Republic* (London)

- Hart H. L. A. (1951a) «A Logician's Fairy Tale», *The Philosophical Review* 60, 198–212
- Hart H. L. A. (1951b) «The Ascription of Responsibility and Rights», *Essays on Logic and Language* 7, 145–166
- Hart H. L. A. (1952) «Signs and Words», *The Philosophical Quarterly* 2, 59–62
- Hart H. L. A. (1953a) *Definition and Theory in Jurisprudence* (Oxford)
- Hart H. L. A. (1953b) «Philosophy of Law and Jurisprudence in Britain (1945–1952)», *The American Journal of Comparative Law* 2.3, 355–364
- Hart H. L. A. (1955a) «Are There Any Natural Rights?», *The Philosophical Review* 64.2, 175–191
- Hart H. L. A. (1955b) «Book Review: Axel Hagerstrom "Inquiries into the Nature of Law and Morals"», *Philosophy* 30, 369–373
- Hart H. L. A. (1959) «Scandinavian Realism», *Cambridge Law Journal* 17, 233–240
- Hart H. L. A. (1968) *Punishment and Responsibility. Essays in Philosophy of Law* (Oxford)
- Hart H. L. A., Hampshire S. (1958) «Decision, Intention, and Certainty», *Mind* 67, 1–12
- Strawson P. F. (1950) «On referring», *Mind*, n. s. 59 (235) 320–344:
home.sandiego.edu/~baber/analytic/Strawson1950.pdf
- Sugarman D. (2005) «Hart Interviewed: H. L. A. Hart in Conversation with David Sugarman», *Journal of Law and Society* 32.2, 267–293